Колокола судьбы

Автор:
Богдан Сушинский

Колокола судьбы

Богдан Иванович Сушинский

Хроники «Беркута» #6

Конец 1943 года. Гитлеровцы, в очередной раз заявив о гибели ненавистного им Беркута, снова просчитались. Бывший лейтенант, а ныне – капитан Громов, принимает под свое командование присланную на его поиски диверсионно-разведывательную группу с Большой земли. Оборудовав в предгорьях Карпат надежную базу, отряд приступает к полномасштабным партизанским действиям, вызвав раздражение и невольное уважение у своего главного противника, гауптштурмфюрера Штубера.

Роман входит в новый цикл «Хроника «Беркута» известного писателя Богдана Сушинского и является продолжением романа «Жестокое милосердие».

Богдан Сушинский

Колокола судьбы

1

Немцы шли походной колонной, не выдерживая, однако, строя. В бинокль Андрей видел, как, переговариваясь, они смеялись, чувствуя себя так, словно вышли на прогулку. Только войдя в окаймляющую плато низину, офицер

выделил троих солдат и выдвинул их метров на сто вперед, чтобы разведали проход. А колонну остановил, давая возможность подтянуться отстающим.

– Эй, солдаты, что за часть?! – крикнул Беркут по-немецки, когда дозорные приблизились к гряде метров на двадцать. Но все еще прятался за высоким, похожим на пень валуном. – Кто вас ведет?!

– Взвод лейтенанта Шильгофа! – объяснил один из гитлеровцев, останавливаясь в нерешительности. – А кто вы?!

– Вам приказано осмотреть эту местность?! – появился Беркут на гряде с биноклем в руке.

– Да, господин офицер! Старший наряда унтер-офицер Крамке.

– Передайте лейтенанту, что мои люди уже осмотрели эту каменистую пустыню! И даже пытались подстрелить двух зайцев! Но это им не удалось! Была еще девушка-пастушка! К сожалению, убежала! За ней мы охотились всем взводом.

Унтер-офицер и рядовые дружно по-солдатски заржали.

– Тогда нам делать здесь нечего, господин обер-лейтенант, – подошел Крамке еще ближе к нему, чтобы разглядеть звание. Тем временем Беркут заметил, что лейтенант уже рассматривает его в бинокль и тоже, видно, понял, что командование что-то напутало. Местность успели осмотреть.

– Вы откуда? – поинтересовался Андрей у унтер-офицера. – Из Подольска?!

– Нет, из кричевского гарнизона. Это недалеко отсюда, железнодорожная станция Кричево.

– А нас пригнали из Закревска, за тридцать километров. Машинами. Такая спешка, будто намечается второе наступление на Сталинград или взятие Москвы! Сейчас мои люди отдыхают. Ефрейтор! – крикнул он, обращаясь в ту сторону, где сидел в засаде десантник. – Поднимайте людей! Готовьте к возвращению к машинам!

– Яволь! – ответил Горелый, несколько замешкавшись.

– Передайте своему лейтенанту Шильгофу, пусть уводит вас к лесу. Спуститесь вниз и обойдите это плато справа. Главные события будут разворачиваться там. Нам тоже приказано спускаться туда.

– Яволь, господин обер-лейтенант, передам.

– Постойте, унтер-офицер. Подойдите ко мне. Угостите своего лейтенанта этой сигаретой, – достал он из кармана брюк портсигар. – В знак нашего заочного знакомства. Пусть в субботу приходит в ресторан «Бавария» в Подольске. Скажете: это из моих парижских запасов. Да, и передайте лейтенанту, пусть сообщит командованию, что вы тоже осмотрели плато. Так командованию будет спокойнее.

Очевидно, у лейтенанта не было ни малейшего желания и дальше взбираться по этой каменистой тропе, продираясь через кустарник и вздрагивая при каждом шорохе в ближайших кустах. Выслушав доклад унтер-офицера и приняв французскую сигарету, он прощально помахал рукой очень кстати подвернувшемуся на его пути обер-лейтенанту и приказал взводу спускаться на равнину.

– Неужели ушли? – не поверил Горелый, когда Беркут, закурив сигарету (он курил крайне редко, обычно после очередной операции) подошел к скале, где его ждал младший сержант.

– Взгляни со скалы, убедись. Как бы они не передумали.

– Точно. Ушли, – доложил боец через несколько минут. – Теперь до вечера можно жить спокойно.

2

Однако не успел он спуститься с горы, как где-то там, у подножия плато, трелью усердного дятла заявил о себе автомат. В ответ отстучали еще две очереди,

вслед за которыми разгорелась такая стрельба, словно взвод немцев столкнулся с целым отрядом.

– Что там могло случиться, а, товарищ лейтенант? – негромко спросил Горелый, снова поднимаясь по склону Черного Монаха.

– Подождем несколько минут, увидим. Может быть, палят, чтобы показать, что идет яростное прочесывание.

– Что за стрельба, Горелый?! – вдруг донесся до Беркута густой бас.

– Кто стреляет, Петро?!

По голосам, по шагам Беркут определил: приближаются трое. И сразу же метнулся за скалу.

– Пока не ясно, товарищ младший лейтенант! – крикнул Горелый, уже почти поднявшись к вершине. – Зато у нас гость. Лейтенант Беркут.

– Беркут?! – снова прорычал бас. – Ты что, сдурел?! Какой Беркут?! Откуда он взялся?!

Первым на поляну возле скалы выскочил младший лейтенант. Увидев выглянувшего из-за нее немецкого обер-лейтенанта, он на какое-то мгновение опешил и, как показалось Андрею, даже нервно повел стволом автомата, словно срезал автоматной очередью. Но все же нервы не подвели его.

– Вы и есть Беркут?

– Разве вас не просили запомнить мою внешность? – снова вышел на поляну Беркут.

– Точно. Вроде похож, – оглянулся Колодный на сопровождавших его двух солдат.

Те неуверенно промолчали.

– Да он это, он, Беркут! – развеял их сомнения Горелый.

– Ну, если так, – одернул гимнастерку младший лейтенант, – тогда стоит доложить по всей форме…Товарищ капитан, десантная группа младшего лейтенанта Колодного прибыла в ваше распоряжение.

– В моё?! – удивленно спросил Беркут, не сумев дождаться окончания доклада. И даже оглянулся: уж не адресованы ли эти слова кому-то другому.

– Так точно, товарищ капитан, в ваше. В группе шесть бойцов. Радист, рядовой Задунаев, легко ранен во время десантирования. Обстреляли, пытались взять его. Но мы отбили. – А отняв руку от козырька, уже другим, менее официальным тоном, и даже уменьшив рокот своего непонятно где рождающегося (при его привычно средней комплекции) баса, добавил: – Ну, здравствуйте, товарищ капитан. Мы уже отчаялись отыскать вас. К тому же слух по селам пошел, что, дескать, убит Беркут, погиб в бою, а вся группа его уничтожена. Да и партизаны из двух других отрядов развеяны по окрестным лесам.

– Распускать слухи о гибели партизан и своих победах – этому фрицы научились.

– А ведь затихло, товарищ младший лейтенант! – прервал их знакомство Горелый. – Но что там происходит – не пойму. Тут был взвод немцев. Так товарищ лейтенант переговорил с ними. Отошли.

– С немцами переговорил?

– Ну да.

Еще несколько коротких автоматных очередей. И снова все затихло.

«Неужели действительно блефуют? – засом-невался Беркут. – Что-то не похоже… Неужели наткнулись на Мазовецкого? Но он вроде бы давно ушел».

– Отойдем в сторону, – тронул Андрей за локоть Колодного. – Нужно поговорить.

– Ну, братцы, все видел, но чтобы наш младшо?й докладывал фрицевскому лейтенанту – такого наблюдать не приходилось даже в кино! – изумился один из

бойцов, пришедших с Колодным.

– Это наш старшина, Кравцов, – уже на ходу представил смеющегося младший лейтенант Колодный. – Из-под Одессы. Не из шутников, правда, но факт есть факт. С ним рядовой Копань. Оба – из дивизионной разведки, ребята опытные. Радист Задунаев и рядовой Гаенок остались на базе. Гаенок – бывший танкист. Водит машины любой масти, изучил немецкий бронетранспортер. Радист – тот, правда, из новеньких. Но вы же знаете, товарищ капитан: радисты – армейская элита. Кого дадут, на того и молись.

– Состав группы мне ясен. Только уточняю: звание мое – лейтенант. Если, конечно, к этому времени не разжаловали, – грустно улыбнулся Беркут, присаживаясь на камень между двумя старыми развесистыми соснами и приглашая младшего лейтенанта последовать его примеру.

Однако тот сел не на камень, а прямо на землю, по-турецки поджав под себя ноги и привалившись плечом к стволу дерева.

– Никакой ошибки, товарищ капитан. Разве по рации вам об этом не сообщали? О повышении звания?

– О повышении? До капитана?! – изумленно переспросил Андрей. – Что-то вы здесь напутали, младший лейтенант.

– Никакой путаницы. Сведения – как в разведке Генштаба.

– Да? Странно, – не мог скрыть своей растерянности Беркут. – Впрочем, ни в моей группе, ни в двух соседних отрядах рации не было. Пока вас высаживали – мы принимали тяжелый бой. Связной из отряда, где имеется рация, судя по всему, не дошел. Погиб.

– Мы тоже чуть не погибли. Еще в самолете. У самой линии фронта, к счастью, все еще на нашей стороне, пилоту пришлось идти на вынужденную посадку. «Мессер» подбил, правда, легко. Подлатались и снова взлетели. Здесь тоже… Первые дни – как в аду. И ни вас, ни ваших бойцов. А что касается задания… На базе для вас небольшой пакет. В нем, среди прочего, удостоверение на имя капитана Громова.

– Даже об удостоверении позаботились? Тронут, младший лейтенант, тронут…

– Устно же просили передать, что приказ о присвоении вам звания старшего лейтенанта был подписан еще тогда, когда вы сражались в доте на Днестре. По представлению вашего комбата, майора, не помню его фамилии. Который погиб… Это он вас в виде награды за храбрость. По рации попросил командование. В последний сеанс связи.

– В последний?! Господи, до меня ли ему было тогда? Майор Шелуденко. Комбат. Святая душа, – нервно постучал Беркут кулаками по коленям. Воспоминания о последних днях укреп-района всегда давались ему тяжело.

– Совестный, видать, мужик был, ваш комбат. Ну а капитана, как я понял, присвоили уже сейчас, перед нашей высадкой в тыл. Сделано тут вами немало. Командир партизанского отряда. И вообще, мне о вас такое понарассказывали: ходит в эсэсовской форме, знает немецкий язык, дерется, как черт. Честно говоря, я даже забоялся: вдруг наш капитан фрицам подыгрывает. Потому и неуловимость такая.

– Тоже не следует исключать, тоже не следует. А за капитана все же спасибо, – расчувствованно произнес Беркут. – Не потому, что звание важно… Что не забыли. Там, у нас, в армии… не забыли… – Он отвернулся, помолчал.

Колодный тоже умолк и сочувственно покряхтел, давая понять, что вполне представляет себе, сколько довелось пережить человеку, которого судьба на два года забросила в глубокий тыл врага. И какие чувства вызвало у него сообщение о том, что в конце концов командование оценило его заслуги.

– Но тогда получается, что и об ордене Красной Звезды вы тоже не знаете? – вдруг спохватился младший лейтенант. – Все за тот же дот, за Днестр. А весь гарнизон дота наградили медалями. Посмертно, конечно.

– Да? Весь? Это точно? – оживился Анд-рей. – Значит, и сержанта Крамарчука тоже?

– О сержанте не знаю. Сказано было: «Гарнизон. Посмертно. Медалями “За отвагу”».

– Справедливо, справедливо… – взволнованно прошептал Беркут, чувствуя, что горло ему сжал предательский комок, мешающий и говорить, и сдерживать свои чувства. – Если бы об этом могли узнать бойцы гарнизона! Пока все они еще были живы. Да, пока еще были живы… Если по справедливости, всех их стоило бы представить к званию Героя. Кроме меня, конечно, – виновато как-то улыбнулся он, расстегивая китель, вдруг показавшийся ему слишком тесным и жарким. – Я всего лишь командовал этими людьми. Сражались они.

– Говорят, вас там заживо замуровали. И спаслись только вы да какой-то сержант.

– Спаслись трое. Была еще медсестра. Сержант Крамарчук и медсестра Мария Кристич. Да, была… Знать бы, где она сейчас. И жив ли Крамарчук.

– А потом вы создали свою партизанско-диверсионную группу…

– Из той группы, которой я командовал до плена, остался только один боец. Польский офицер.

– Польский? Тот самый поручик Мазовецкий?

– О нем вам тоже известно?

– И не только мне. Вас просили охарактеризовать его более подробно. Говорят, для высокого начальства.

– Вот как? Чем он заинтересовал начальство – этого вы, конечно, не знаете?

– Очевидно, собираются как-то использовать. Я даже слышал, что вроде бы всех наших, советских, поляков-фронтовиков отзывают в тыл. Возможно, хотят сформировать особый отряд. Когда-то же мы дойдем и до Польши. Там он и пригодится.

– Логично.

Где-то вдалеке один за другим прозвучало три разрыва снарядов. Офицеры переглянулись: до передовой слишком далеко, тогда возникает вопрос, по ком

палят немцы.

– Составьте текст радиограммы, товарищ капитан. Радист отморзянит.

– Сейчас составлю.

– А что произошло с вашими людьми? Тяжелые бои? Засада?

– Зажали нас тут в одно время немцы вместе с полицаями да союзничками своими, румынами. Так зажали, что пекло раем показалось.

– И что… все до одного погибли? Кроме этого поручика?

– Видно, такой уж я, к чертям собачьим, командир… – развел руками Беркут. – Второй раз без войска остался.

– На войне по-всякому… Без дивизий, без армий остаются. Так что это поражение, капитан, историки вам простят.

– Будем надеяться. Кстати, если я верно понял, ваши люди не знают ни о присвоении мне капитана, ни моей настоящей фамилии, потому что называли меня лейтенантом.

– Не знают, конечно. Им известна только кличка: «Беркут».

– Значит, так и буду оставаться для всех, и для вас в том числе, Беркутом. Капитаном Беркутом, – уточнил Громов, поднимаясь. – Пусть немцы тоже узнают о повышении. Это подействует им на нервы, – мстительно ухмыльнулся он. – Они поймут, что у Беркута появилась связь с Москвой, что в Генштабе его признали как партизанского командира. Да и нашим, в селах, тоже небезразлично, кто командует отрядом и знают ли о нем в Москве. Здесь, на оккупированной территории, это очень важно.

– Поднимать дух населения, – кивнул Колодный. – В штабе нам так и объяснили: «Ваша главная задача».

– Кстати, вы ничего не сообщили о задании. Почему вдруг десантная группа? Есть объект?

– Возможно, появится. Пока сказали: вживайтесь, ведите разведку, работайте с населением, увеличивайте отряд Беркута… Ну и, конечно, особое внимание железной дороге. Мы захватили с собой пятнадцать мин. Потом еще подбросят. «Один уничтоженный эшелон – два выигранных боя!» – был такой у нас, на курсах минеров, девиз.

– Ясно.

– Все будет нормально, капитан, – возбужденно «играл на басах» младший лейтенант. – Пойдем знакомиться с людьми. И давай на «ты». Так легче будет.

– Хорошо, – поднялся Андрей. Он не был сторонником перехода на «ты», но возражать не хотелось. Слишком много радости доставила ему эта встреча. – Сегодня у нас будет «штабной день». Решим, как действовать, где базироваться. Вы говорили о посылке. Письма моего отца там не оказалось?

– Только пакет от начальника Штаба украинского партизанского движения. В нем инструкция и приказ, – поднялся вслед за ним Колодный. – Вскрыть имеешь право только ты. «Вы», – поправил себя Колодный, вспомнив, что капитан не принял его условия.

– Значит, об отце вам ничего неизвестно? На фронте он? Жив?

– Что жив – это точно. Генерал-майор Громов…

– Генерал-майор? – переспросил Андрей. – Вы не ошиблись в звании?

– Лично я с генералами за руку не здороваюсь. Но сказано было: «генерал-майор». И еще сказали: «Ранен. В госпитале».

– Тяжело?

– Врать не стану: тяжело, – отвел взгляд младший лейтенант. – Нет, не то чтобы очень уж… Но достала война старика.

– За правду – спасибо.

– О вас ему сообщили. Сразу же.

– Господи, столько вестей в течение нескольких минут! Словно возвращаюсь из потустороннего мира.

– Товарищ младший лейтенант… – появились возле их пристанища Горелый и двое других десантников.

– Докладывай командиру, капитану Беркуту.

Горелый удивленно посмотрел на Колодного, потом на Беркута и, извиняясь, откашлявшись, доложил:

– Товарищ капитан, лес, что севернее нашей пустоши, обстреливают из артиллерии. Работают две батареи – не меньше. Партизанских орудий не засек.

– «Партизанских орудий»! – грустно улыбнулся Беркут. – Хватало бы дробовиков. Не существует здесь этих «партизанских орудий». Продолжать наблюдение.

– Да, забыл сказать, – снова заговорил Колодный. – В посылке для вас два комплекта обмундирования. На один расщедрилось командование. Другой, говорят, подарок отца. Передал вместе с пистолетом – немецким, трофейным, но с выгравированной дарственной надписью. Солдатский подарок. Вдруг пригодится.

– Ну, младшо?й, ты выдаешь свои новости, как старшина масло! Дрожишь над каждым граммом.

– Чтобы на дольше хватило! – весело пророкотал Колодный. – Выложил бы все сразу, стало бы неинтересно.

К полудню в лесу между Волянами и Горелым началось настоящее сражение. Сюда, до Лазорковой пустоши, отчетливо доносилась артиллерийская пальба и сплошной вал автоматной стрекотни.

Но самой большой неожиданностью для Беркута явилось то, что через час после начала операции в бой была брошена авиация. Андрей видел, как три самолета, один за другим, разворачивались над их плато и, надрывно ревя моторами, заходили на бомбежку леса.

После трех таких заходов на смену бомбардировщикам пришли два звена штурмовиков. Эти утюжили лесную крону с особым остервенением, сменяя друг друга и налетая с разных сторон. Они обрушивались с большой высоты, зная, что усиленный лесным эхом вой их моторов действует на психику не меньше бомб и пулеметных очередей.

Заметив на плато кошару, полуразрушенный загон для овец и чабанскую хижину, один из штурмовиков отклонился от курса и прошелся пулеметной очередью по кошаре как раз в то время, когда радист настраивал рацию для очередного сеанса с Центром. Услышав приближение штурмовика, младший лейтенант крикнул: «Воздух!» и подхватился, но Беркут приказал: «Не выходить! Залечь под стенами!», перехватил охранявшего у двери Копаня, сбил его с ног и упал на землю рядом с ним.

Второго захода не было, самолеты удалились. Колодный, Задунаев, старшина Кравцов и Копань поднимались, отряхивались и, настороженно прислушиваясь, посматривали на небо сквозь прошитую очередями тесовую крышу.

– Авиацию немцы будут бросать на нас нечасто, – донесся до них спокойный голос Беркута, уже стоявшего в проеме двери. – Но запомните: при налете из кошары не выходить. Если бы мы раскрыли себя, через несколько минут в немецком штабе уже знали бы, что здесь обнаружена группа партизан. После вчерашней перестрелки у подножия плато подтверждение летчиков было бы очень кстати. Это партизанская война. Здесь мы сильны до тех пор, пока не обнаружены. И вообще кошара – слишком примитивное строение. Базироваться будем в пещерах и землянках. При строжайшей маскировке.

– Вот уж не думал, – пробасил младший лейтенант, – что и здесь это воронье найдет нас. Радовался: в тылу хоть от «мессеров» отдохну! Отдохнул! Ну что,

радист, перейдем поближе к пещере?

– Там скалы. Здесь прием лучше. Будем работать прямо на площадке, возле кошары. Копань, антенну – на дерево!

Пока шел сеанс связи, Беркут, прислушиваясь к звукам проходящего вдали боя, примерял доставленный ему в посылке мундир со знаками различия гауптштурмфюрера СС на петлице. Он делал это с тревожным чувством человека, который вынужден отсиживаться где-то в укромном месте в то время, когда неподалеку сражаются его товарищи.

Андрей, конечно, понимал, что ничем не сможет помочь им сейчас и что свою судьбу им придется решать самим, но все же торопился и нервничал, словно, надев мундир, тотчас же поспешит на помощь.

– А ведь угадали, товарищ капитан, – прищелкнул языком старшина, когда, надевая портупею, Беркут появился в дверях кошары.

– Как после примерки, – согласился Беркут. – Хотя и примеряли по «личному делу». Как считаешь, младшо?й, документы на имя Отто Брандштофа – нашего изготовления?

– Заверили, что надежные. Как я понял, этот Брандштоф отдыхает у нас в плену или в еще более надежном месте…

– К сожалению, в городе в таком звании не появишься. Эсэсовец в чине капитана – это слишком заметно. Тем более что эсэсовцев здесь не так уж и много. Но зато на дороге или в дальних селах…

Закончив передачу текста, радист предупредительно поднял руку, требуя тишины и внимания. Даже орудия вдруг замолчали, словно подчинились воле того, кто сидел сейчас у рации.

В Центре обрадовались, что Беркут наконец обнаружился, и потребовали разворачивать активные диверсионные действия. Кроме того, просили сообщать обо всех передвижениях войск противника в сторону линии фронта, о частях гарнизона Подольска, наличии подпольных организаций в крупных населенных

пунктах, а также о появлении новых партизанских групп и отрядов. Ну и, конечно же, продолжать агитационную работу среди населения.

Беркут понимал, что все это – лишь общая программа их действий, поэтому воспринял радиограмму без особого интереса. Но после неожиданного перерыва в передаче, когда радист уже решил, что сеанс связи окончен, передатчик вдруг снова ожил.

Радист Центра извинился за длительную паузу и передал Беркуту просьбу к завтрашнему сеансу подготовить все имеющиеся у него сведения об известной ему германской антипартизанской группе и, в частности, о ее командире, «офицере СС-41». Вплоть до описания его внешности.

Капитану не нужно было особо напрягаться, чтобы понять, что в Москве очень заинтересовались бароном фон Штубером, и что это его засекретили под наименованием «офицер СС-41»

И еще Беркута просили подтвердить, предпринимались ли попытки завербовать его. Если да, то при каких обстоятельствах и на каких условиях.

«Это еще зачем?! – удивился Беркут. – Уж не возник ли у кого-то там, в управлении разведки Генштаба, замысел подсунуть меня абверу. Или Власову?»

А еще Центр интересовался, существует ли возможность восстановить в ближайшем будущем контакты с известным ему «офицером СС-41».

Расшифровав все это, радист как-то настороженно посмотрел на стоявшего рядом с ним в форме эсэсовца капитана Беркута. И капитан почувствовал, что в душе этого двадцатилетнего рыжеватого парня зарождается сейчас какое-то смутное недоверие к нему.

– Хотите сообщить мне еще что-нибудь? – холодно спросил его Беркут.

– Нет, – помотал тот головой.

– «Никак нет, товарищ капитан», – поправил его Беркут. – Впредь вы будете отвечать только так.

О том, что под «офицером СС-41» подразумевался Штубер, капитан и в самом деле догадался сразу. Речь шла о нем и его группе. Просто в Центре пытались хоть как-то завуалировать свой интерес к «Рыцарям Черного леса». Откуда в штабе стало известно о Штубере – тоже не загадка. Иванюк был в курсе его встреч с гауптштурмфюрером. И знал их подоплеку. Точно так же, как известна была ему история странного знакомства лейтенанта Громова и оберштурмфюрера Штубера.

Для него сейчас важно было понять другое: почему штаб с первого же сеанса потребовал от него подтверждения этих контактов? Проверяют, будучи уверенными, что Иванюк не сообщил ему, Беркуту, о передаче этих сведений? Значит, не доверяют? Засомневались? Или, может быть, наоборот, хотели бы, чтобы он поддался на вербовку?

Но какие бы планы ни строили в Москве относительно Штубера, там явно запоздали. Увы, встречи, которая состоялась у него с бароном на каком-то лесном переезде в Польше, уже не повторить. А ведь лучшего, более естественного способа подставить себя Штуберу, а значит, и самому Скорцени, придумать просто невозможно.

– Что, не очень приятный выдался запрос? – понимающе спросил Колодный. Он стоял у входа в кошару и слышал все переговоры с радистом Украинского штаба партизанского движения.

– Слишком сложный.

– Их тоже можно понять. Не так уж и много наберется у них людей, которые бы так долго и успешно держались во вражеском тылу, как вы. И что это за «офицер СС-41»?

– Очевидно, у них возникли какие-то виды на одного местного эсэсовца, барона фон Штубера. Появилась интересная идея.

– Хотят, чтобы вы, в свою очередь, попробовали завербовать его? – спросил младший лейтенант, отходя вслед за Беркутом чуть в сторонку. – А что, война затянулась, о победе гитлеровцам мечтать не приходится, так что, может быть, ваш барон и клюнет.

– Просто они решили, что мы со Штубером коротаем длинные осенние вечера за чашкой чая, – сдержанно улыбнулся Беркут, не желая выстраивать перед Колодным никаких предварительных версий. – И что я в любое время дня и ночи могу сообщать им даже о насморке его тещи.

– Так честно и ответьте им, – развел руками Колодный. – Дескать, не в моих возможностях. Напасть на какой-нибудь полицейский участок или состав под откос пустить – это всегда пожалуйста.

– Вряд ли решусь отвечать таким образом. Отмахнуться проще простого, а на фронте, особенно в разведке, так не принято.

– Пусть лучше пришлют сюда кого-нибудь из профессиональных разведчиков, – продолжал давать советы младший лейтенант, – из тех, что обучены для работы в дальних тылах и в самих войсках противника. А мы с вами что? Мы – всего лишь армейская пехота. Наше дело вспахивать оборону противника, как пахарь – застоявшуюся ниву.

– Хорошо сказано, младший лейтенант: «…оборону противника, как пахарь – застоявшуюся ниву». Образно. Вот только требовать от нас, пока мы здесь, будут за все рода войск, вместе взятые.

– Товарищ капитан, фрица взяли! – вдруг послышался крик Копаня, взобравшегося на дерево, чтобы снять запутавшуюся в ветвях антенну. – Гаёнок ведет.

– Не может быть! – резко отреагировал Беркут. – Откуда здесь взяться фрицу?

– Точно, ведет! Кажись, раненого! Прихрамывает!

«Неужели Мазовецкий?!» – поспешил Анд-рей к скале, у которой тропа выводила на вершину плато.

Да, это был он. Чуть прихрамывающий, с покорно поднятыми вверх руками, в мешковатой форме рядового немецкой армии, он и впрямь был похож на самого заурядного обозника из тыловой службы вермахта.

«Какое счастье, что Гаёнок почему-то решил взять его в плен, а не пристрелить на месте! А ведь мог бы. Какой толк от такого “языка”»?

– Сам сдался, – извиняющимся тоном сообщил Гаёнок, для пущей важности подталкивая Мазовецкого автоматом. – Говорит по-русски, только странно, вроде как по-нашему, по-кубански…

Приземистый, худощавый, Гаёнок ходил как-то по-особому, раскорячивая ноги, распрямляя грудь и оттопыривая локти – изо всех сил стараясь казаться крупнее, солиднее и даже значительнее, что ли… Родом он действительно был из Кубани, из казаков, службу начинал в кавалерии, и до сих пор на голове его, вместо пилотки, как у всех остальных, красовалась кубанка.

Поведав ему подробности биографии Гаёнка, младший лейтенант, посмеиваясь, объяснил, что по ту сторону фронта кубанку эту Гаёнок носил с собой тайно, как моряки – бескозырки. Ну а поскольку здесь высокого командования нет, пусть дезинформирует врага относительно того, что за род войск оказался у него в тылу.

Вспомнив этот разговор, Беркут подумал, что, наверно, и Мазовецкий был удивлен, увидев на солдате странный головной убор. Но выхода у него не было, нужно было сдаваться, иначе в лагерь десантников не попадешь.

– Так что же произошло, пан поручик? – не удержался Беркут, чтобы не съязвить при виде приближавшегося к нему «вермахтовца». – Уж не в перебежчики ли вы записались?

– Однако вы тоже не в союзниках у них, лейтенант, – кивнул Мазовецкий на новенькую эсэсовскую форму, и, не в силах продолжать дальше путь, уселся прямо у ног Беркута, чувствуя себя здесь в полной неприкосновенности.

– Так это что, тоже наш? – изумился Гаёнок, поглядывая то на капитана, то на «немца». – Получается, что в лесу в этом и стрельнуть не в кого, вокруг одни «свои».

– Не знаю, как остальные, но поручик Мазовецкий – еще как «наш»!

– Господи, какое счастье, что не пальнул по нему! А ведь уже на мушке у меня сидел.

– Смотри, в следующий раз не ошибись, – ответил Андрей. – А то тебе может показаться, что в этих краях все немцы – «свои». К первому встречному фрицу брататься полезешь.

– К тому идет, товарищ капитан, – виновато почесал затылок десантник.

– Для начала верни ему оружие и помоги снять сапог. Как менять повязку на ранах, тебя, надеюсь, учили? Вас интересовал поручик Мазовецкий, – обратился Беркут к младшему лейтенанту. – Позвольте отрекомендовать: он перед вами, во всем своём рыцарском величии.

– Рад видеть, рад видеть, – наклонился командир десантников, чтобы пожать руку сидящему польскому офицеру. – Как видите, в Москве о вас уже знают.

– Из каких таких источников? – улыбнулся поляк.

– Из «заслуживающих доверия», – объяснил вместо Колодного капитан Беркут.

– Слушай, Беркут, а тебя что, немцы «повысили» в чине? – прокряхтел Мазовецкий, чтобы не застонать, когда Гаёнок слишком рьяно взялся разувать его.

– Как ни странно, меня действительно повысили, поручик, но только не германцы, а свои, в Москве. Так что позвольте представиться: капитан Беркут.

– Езус-Мария! А я сижу! У вас там, в Красной армии, что – всех повышают через одно звание?! Впрочем, в любом случае ожидается хорошая офицерская попойка. А, капитан? Одного не пойму: почему вы целый взвод фрицев выпустили отсюда восвояси? До того немчура обнаглела, что гуляет здесь, как по Гитлерштрассе.

– Так это ты ввязался в драку с ними?

– Увидел, как они спускаются по тропе, словно стая гусей к водопою, и не удержался. Пока разобрались, кто и откуда, человек семь-восемь уложил. А потом прибегнул к излюбленному маневру одного доблестного лейтенанта – победный партизанский драп-марш.

– Я всего лишь повторял слова Крамарчука, – с грустью улыбнулся Беркут. – Был бы он здесь, мне бы казалось, что снова все в сборе. А то, что мы выпустили целый взвод, не приняв бой, это, конечно, досадно. Можно было развеять его по терновым кустикам, можно было, но…

4

К вечеру, используя жерди и доски из полуразвалившегося загона, Беркут с бойцами привели в божеский вид чабанскую землянку, где спокойно смогли разместиться пятеро парашютистов во главе со старшиной.

Рядом, в каменистой выработке, они присмот-рели место для землянки, в которой могли бы жить Корбач, Арзамасцев и полька. Ну а штаб и «офицерскую келью», как назвал ее Мазовецкий, они оборудовали в двух соединенных между собой пещерах, метрах в двадцати от землянки-казармы. Подход к ним был прикрыт тремя огромными валунами, между которыми ощетинился частокол порыжевшего шиповника.

Беркут сразу же прикинул, что, расставив бойцов у этих валунов и на ребристой крыше «кельи», здесь можно продержаться столько, на сколько хватит патронов. Лучшего опорного пункта даже трудно себе представить.

Уверенность капитана в правильном выборе базы еще больше окрепла, когда, протиснувшись в проход между «кельей» и невысокой позеленевшей скалой, он оказался на маленьком – двоим не разойтись – карнизе, заканчивавшемся крутым, почти отвесным склоном, тоже поросшим в верхней части своей кустарником. Эта поросль скрывала карниз от глаз тех, кто мог оказаться у подножия стены (хотя подойти к подножию было непросто, ибо там, внизу, тоже виднелись остроконечные скалы, окаймлявшие каньон реки), и в то же время как бы подстраховывала каждого, кто решится пройти по нему.

Дойдя по карнизу до того места, где склон был менее крут – и по нему даже можно было спуститься на нижнюю террасу, – Андрей вдруг наткнулся на еще одну пещеру. Он обнаружил ее по тонкой, едва видимой в вечерних сумерках струйке дыма, вырывавшейся, как могло показаться, из расщелины. Это открытие было настолько неожиданным, что Беркут отпрянул за выступ и на какое-то время замер там, прислушиваясь, не раздадутся ли голоса.

Нет, ему не померещилось: действительно дым. Значит, где-то там, между камнями, должен быть вход в пещеру. Но кто ее обитатели? Все бойцы группы – в землянке или в «офицерской келье». Кроме них, на плато никто не появлялся. Разве что оставшийся здесь с довоенной поры монах-одиночка?! Бред. Как бы он выжил в этой пустоши? Да и парашютисты должны были заметить его.

Выхватив пистолет, капитан еще несколько минут выждал, но, не обнаружив никакого движения, никаких голосов, осторожно, прижимаясь спиной к стене, начал пробираться к выступающей, похожей на полуразрушенную крепостную башенку, скале, из-за которой и зарождалась эта струйка. Уже у камня он обратил внимание на странную, напоминающую миниатюрный кратер погасшего вулкана, вмятину и нависшую над ней огромную каменную плиту. А еще заметил, что находящийся рядом с вмятиной валун лежит на ребре. Используя такое положение, даже один сильный человек спокойно мог бы сдвинуть его и перегородить тропу.

– Эй, в келье! – негромко позвал он, прячась за выступ скалы, за которым чернел закопченный множеством костров, неширокий, готически заостренный кверху вход в пещеру. Беглого взгляда на него было достаточно, чтобы убедиться: подравняла его и подогнала «под готику» не природа, а топор камнетеса. – Вы слышите меня?! Оружие оставлять! Выходить по одному!

– А ты войди сюда! Можешь даже с оружием, – раздался в ответ хриплый архиерейский бас. – Сначала выброшу твое оружие, потом тебя. Никто и следов не сыщет.

«Во даёт! Совсем страх потерял, – улыбнулся про себя капитан. Еще не видя того, кто ему отвечал, не имея о нем ни малейшего представления, Андрей уже зауважал его. Храбрость и мужество Беркут ценил в любых, даже самых невероятных и опасных для него самого проявлениях. – Хилый монах так отвечать не станет».

– Я не понял: ты приглашаешь меня войти?! Или так и будешь сидеть у костра в одиночестве?!

– На кой черт ты мне нужен?! Я тебя не звал. Но если очень заинтересовался и не забоишься, – войди.

– Это другой разговор. А то мог бы обидеться и уйти. – Беркут оглянулся. Нет, никто из бойцов на тропе не появился. Да и вряд ли кто-нибудь из них заметил, куда он побрел.

Капитан уже вышел из-за выступа, когда в проходе вдруг появился рослый широкоплечий мужчина в выцветшем, но еще довольно исправном красноармейском обмундировании и в растоптанных румынских ботинках. Гимнастерка его была распахнута, и на груди серебрилось массивное распятие. На широком офицерском ремне висели две оттопыренные кобуры с пистолетами.

Незнакомец стоял, заградив своим огромным туловищем весь проход, положив руки на расстегнутые кобуры. Удлиненное, усеянное мелкими ранними морщинами лицо его было на удивление гладко выбрито, в то время как на голове возвышалась невероятно взлохмаченная копна черных как смоль волос. По виду этого человека трудно было определить, какой он национальности, в какой армии служит, или по крайней мере служил; чем занимался. К тому же вместо запаха водки или самогона от него исходил довольно приятный дух одеколона, которым он пользовался после бритья.

Несколько минут они, не скрывая любопытства, рассматривали друг друга с таким интересом, словно принадлежали к разным цивилизациям. Андрей и сам был богатырского телосложения, но, стоя рядом с этим человеком, почти физически ощущал силу его мышц, мощь всего тела.

– И что, вошел бы, не побоялся? – вызывающе мрачно спросил его этот Робинзон Лазорковой пустоши.

Беркут молча, с силой отстранил его и, чуть наклонившись, чтобы не зацепить головой ребристый свод, вошел внутрь пещеры, в которой, в хитром закутке, чтобы дым выходил не через вход, а через специальную щель-прорубь, чадил небольшой костер. Бегло осмотрев эту пещеру, капитан сразу же перешел в

другую, более просторную, и с удивлением заметил еще один вход, только значительно меньший по размерам. Отшельник сам отвернул полог, которым он был завешан, и пещера сразу же тускло осветилась заревом вновь появившегося на горизонте заходящего солнца.

«А вот и покои монаха-отшельника!».

В пещере стоял низенький лежак, несколько пристроенных на камнях досок заменяли стол, а на стенке висели два немецких автомата, охотничье ружье с полным патронташем и бинокль. Кроме того, заглянув в полуразвалившийся ящик, капитан обнаружил там пять или шесть немецких гранат с длинными деревянными ручками.

– Я вижу, вы не очень-то полагаетесь на молитвы. Больше доверяете оружию.

– Мундир на тебе эсэсовский – это понятно, – хрипло ответил Отшельник (Громов решил так и называть его). – А вот кто ты на самом деле? Не Беркут ли? Капитан, или что-то в этом роде?

– Беркут. Точно. Откуда сведения, особенно о моем новом звании?

– Секрет имеется, – хрипло хохотнул Отшельник, садясь на лежак.

– А конкретнее?

– По челу гадаю, – не сдавался Отшельник.

– Ну-ну, гадай, гадай, монах-отшельник.

– Садись. Коль впустил тебя в пещеру, значит, бояться уже нечего. Хотел бы сбросить, сбросил бы у входа. Твоим парашютистам и в голову не пришло бы, что погиб от чьих-то рук. Сорвался – и все тут.

– Живешь скрытно. Парашютистам на глаза не показываешься, однако разговоры их подслушиваешь. Странно, Отшельник, странно…

– Пристыди меня, пристыди.

– Парашютисты обитают здесь вторую неделю. Однако о тебе не говорили ни слова. Почему? До сих пор не заметили присутствия постороннего человека? Это уже опасно.

– Посторонние они здесь. Немцев тоже они накличут. Вывел бы ты их отсюда, капитан. Встречать я тебя не встречал, но слышать приходилось. До сих пор ты партизанил в лесах, в пустошь нога твоя не ступала. А я к ней привык. Летовать здесь было неплохо.

– Прогоняешь? – холодно улыбнулся Беркут. – Негостеприимный ты человек. Ну да Бог тебя простит. «Летовал», говоришь, здесь. Но ведь зимовать вроде бы не собираешься?

– До морозов – здесь, в морозы – у добрых людей. Ранней весной, если доживу, снова сюда.

– Просто для того, чтобы отсидеться? В глуши, в одиночку?

– А мне отряд ни к чему.

– Божественно. Только что-то я о таком партизане-одиночке, храбром мстителе, в этих краях не слышал. Или, может, партизанишь как-то так, слишком скрытно? – язвительно уточнил капитан.

– Скрытно, Беркут, скрытно. Плевать я хотел на вашу партизанщину. Желаете мараться в этой вселенской бойне, – ваше личное дело. Я, чтоб ты знал, сохраняю нейтралитет.

– Не понял? – строго переспросил Беркут. – Объясни-ка мне, темному армейскому офицеру, что значит «нейтралитет» и как ты собираешься придерживаться его, сидя здесь, на скале, посреди оккупированной земли, нашпигованной немцами, румынами, полицаями и прочими союзниками-пособниками?

– А так вот и собираюсь: молча, в терпении и молитвах.

– Неясно выражаешься, рядовой. Форму красноармейскую ты пока что не снял. Капитуляции тоже не было.

– А зачем ее снимать? Удобная, прочная, к оружию и к житью солдатскому приспособленная. Без нее в этих божьих пустошах не обойтись. Еще и комплект в запасе имеется, вместе с портянками и котелками. Как у порядочного ротного старшины.

5

Отшельник поднялся, перешел в соседнюю пещеру и через некоторое время вернулся оттуда с котелком какой-то кипящей жидкости. При этом Беркут с удивлением увидел, что хомуток котелка он держит голой рукой. Только поставив его на стол, Орест нашел какую-то тряпицу, снова подхватил его и, отцедив воду, высыпал сварившуюся в нем картошку в мундире прямо на доски. Сюда же он выложил добытые откуда-то из-под лежака лук, соль, полбуханки черствого ржаного хлеба и пару плиток немецкого шоколада.

– Хлебом-луком тебя, понятное дело, обес-печивает некая сердобольная молодка. А галеты, оружие? Трофей? Значит, все-таки воюешь понемногу?

– Граблю их, фрицев, по правде говоря. Человек десять обозников на тот свет откомандировал – что было, то было. Так что кое-какие припасы имеются. Но ведь грабить этих мародеров, скажу тебе, не грех. А во всем остальном – плевать мне на вашу войну. Хоть перережьте друг друга. Я свое отвоевал.

– Ну, ты, парень, ещё тот наглец.

Отшельник снял висевшую на гвозде немецкую флягу, отвинтил колпачок, поболтал и блаженно улыбнулся:

– То ли коньяк, то ли ром ихний… Дерьмо дерьмом, и привкус клоповый… но запах для дури имеется. При всей своей жадности, парой глотков могу угостить.

Когда Отшельник разливал коньяк в изогнутые алюминиевые кружки, Беркут обратил внимание, что одна из них под самым верхом была разворочена пулей или осколком. А ещё успел заметить, что инициалы на ней нацарапаны славянскими буквами.

«Возле убитых красноармейцев подобрал, – с неприязнью подумал он, глядя на довольно холеное лицо Отшельника. – Шкура мародерская».

– Где и когда ты дезертировал? – прямо спросил он, не притрагиваясь к своей кружке.

– И, если я действительно дезертировал, то пить со мной ты уже не станешь, так, что ли?

«Если дезертировал – мы будем судить тебя, – мысленно ответил Андрей, не сводя взгляда с Отшельника. – Сейчас, здесь, в тылу врага. Перед строем солдат, которых ты своим “нейтралитетом” ежедневно предаешь».

Андрей мог бы высказать ему все это и вслух. Но многие месяцы, проведенные в тылу врага – встречи с людьми, судьбы которых не укладывались ни в какие известные ему довоенные рамки бытия, опыт общения со многими заблудшими, оказавшимися, кто в добровольном плену, кто в полицаях, а кто в подвале у христоподаянной сельской тетки, – приучили его к терпению и дипломатичности. Тем более что он понимал: когда руки лежат на оружии, горячиться не стоит.

– Просто я хочу знать, с кем имею дело.

– Так вот же я весь перед тобой, – радушно развел руками, в каждой из которых подрагивали кружки с коньком, Отшельник. – И все тут со мной ясно. А выпьешь – ещё больше прояснится.

– Человек ты, вижу, не из трусливых, поэтому скажи честно и прямо. Чтобы не приходилось наводить о тебе справки через местных молодок. Я этого, как ты уже понял, не терплю.

– Да плевать мне на твои справки, новоиспеченный капитан.
«Новоиспеченный», – отметил про себя Беркут. Значит, информация самая свежая. Однако тон, которым Отшельник произнес эти слова, нисколько не смутил его. Приходилось слышать и не такое. – И вообще, можешь идти к чертям вместе со своими зачиханными парашютистами. Увидим, долго ли они здесь навоюют.

– Ты сказал, что знаешь, как партизанили ребята из моего отряда. Почему считаешь, что парашютисты будут сражаться хуже их? И вообще, умерь свой пыл. Я пришел, чтобы поговорить с тобой по-человечески. Вот и веди себя соответственно. Тем более что лицо твое мне почему-то кажется очень знакомым.

– Того и гляди, брататься начнем.

– И фигура у тебя приметная. Где-то я видел тебя, Отшельник, где-то видел… – уже совсем умиротворенно повторил Беркут. – Может, на Днестре? Там, на Днестре, были доты. Я был комендантом одного из них, 120?го, «Беркута».

Отшельник чокнулся кружкой о кружку Беркута, выпил и, не приглашая капитана последовать его примеру, принялся за еду. Андрей тоже отпил.

– Да, что-то не очень крепкое твое питье, и действительно с каким-то клоповьим привкусом.

Он взял самую маленькую картошину, очистил, съел и поблагодарил за угощение. Тем временем Отшельник сосредоточенно жевал, всем своим поведением демонстрируя полное безразличие к тому, что делает и говорит этот непрошеный гость.

– Мои ребята тоже готовят ужин. Картошки нет, зато есть тушенка и немного крупы. Несколько глотков водки найдется. Словом, приглашаю… Кстати, как тебя кличут, а то я все Отшельник да Отшельник…

– Может, тебе еще и красноармейскую книжку предъявить, а, капитан?

– Вот уж не подумал бы, что такой волевой человек, как ты, способен на дезертирство, – поднялся Беркут и, уже выходя из пещеры, добавил: – Презираю дезертирство. В каком бы виде и по какой причине оно бы ни проявлялось. И сними красноармейскую форму. Она предназначена для солдат, а не для благочестивых монахов.

Когда, провожая, Отшельник шел за ним к выходу, Беркут ежесекундно ждал удара в спину. Точно такое же ощущение опасности не оставляло его, когда,

пробираясь по тропке к лагерю, капитан еще какое-то время ощущал у себя на затылке дыхание этого неприветливого и глубоко неприятного ему сейчас человека.

– За те две недели, которые вы провели здесь, на Лазорковой пустоши, посторонние вблизи лагеря не появлялись? – спросил он Колодного, вернувшись в командирскую пещеру, где уже был «накрыт стол».

– Не замечено. Правда, боец Горелый, дежуривший в первую ночь, клялся, что видел здесь, у скалы, тень монаха.

– Почему он решил, что именно монаха?

– Очень похожего на того, что венчает гору Черный Монах. Посмеялись, конечно. Однако на всякий случай по призракам я приказал не стрелять. А то ведь сдуру распугают. А где вы пропадали, капитан? Никто не мог понять, куда вы исчезли.

– Призрака проведывал, – отшутился Беркут. – Того самого… Передай бойцам: часовой постоянно должен нести службу здесь, у камней, чтобы контролировать подходы и к землянке, и к нашим пещерам. И постоянно находиться в засаде. Никаких хождений. Смену производить через два часа и как можно скрытее.

– Но сюда есть лишь один подход… со стороны землянки, – удивленно возразил младший лейтенант.

– Плохо изучили местность, командир. Здесь карт не существует. Все пространство вокруг базы, в радиусе нескольких километров, нужно разведать так, чтобы бойцы знали каждую норку, каждый камень, с каждым деревцем здоровались. Иначе нам здесь не продержаться.

6

Уже лежа на грубо сбитом лежаке, Беркут снова вспомнил лицо Отшельника. Этот высокий морщинистый лоб… крупный, коричневатый, словно обожженный подбородок… огромные, тоже коричневые руки. Громадная, как у циркового

борца, грудь… И крест. «Нет, креста, пожалуй, не было. Не было тогда этого распятия у него, не было… Постой-постой, когда не было? Где же я, черт побери, видел этого человека?!»

Все попытки отвлечься от загадки Отшельника и уснуть заканчивались еще более обостренным ощущением бессонницы. Если он и забывал на несколько минут об этом странном человеке, то лишь для того, чтобы вспомнить о ребятах, которых он оставил на Стародумном хуторе. Как они там?

Уходя, он обещал вернуться через трое суток. Срок истекал на рассвете, но завтра он должен быть здесь, чтобы снова выйти на связь с Украинским штабом партизанского движения. Значит, на хутор сможет попасть лишь послезавтра. Не запаникуют ли? Иногда Беркут ловил себя на том, что думает об этих троих, как о брошенных на произвол судьбы детях.

«Распятие?! – вдруг снова вернулся он к мысли об Отшельнике. – Постой-постой. Неужели тогда, у распятия?.. Да нет, не может быть! Этого просто не может быть!» – сказал себе уже решительнее и, поднявшись с лежака – он лежал не раздевшись, – вышел из пещеры.

Луна стала багрово-красной, словно восходящее солнце перед бурей. Тени – причудливыми и несоразмерными никаким реальным представлениям о предметах. Вершина Черного Монаха освещалась багровыми бликами так, словно стоящий на ней «монах» взошел на костер инквизиции, искупая этим восхождением все грехи и греховные помыслы некогда существовавшей здесь монашьей братии.

«Но если всё же допустить, что Отшельник и есть тот самый солдат из лагеря военнопленных?.. Да что тут допускать? Он действительно “тот самый”! В конце концов, этот человек так и запомнился тебе: между виселицей и распятием. Но если действительно он, тогда… это совершенно меняет дело. И мое отношение к Отшельнику – тоже».

Беркут присел на камень, закурил, посмот-рел на окровавленную луну, подливавшую огненные струи в каменный костер, разведенный для «монаха», и попробовал еще раз вспомнить того пленного солдата… Как он выглядел? Очень похожим на Отшельника. Очень. Значит, это и был Отшельник. Он сидел тогда на помосте виселицы и маленьким острым топориком (до стамески дело еще не

дошло) вытесывал голову Христа. Беркут даже запомнил, что на ней уже вырисовывалось некое подобие тернового венка. Нет, случайным такое разительное сходство между тем «пленным скульптором» и Отшельником быть не может.

* * *

…Беркут готовил тогда нападение на лагерь военнопленных. Со дня появления этого замысла Иванюк уверял его, что он пока неосуществим: слишком сильная охрана, прожектора, пулеметы… Да и сам лагерь находится на возвышенности. С трех сторон – каменная стена, с четвертой – бревенчатая ограда и наполненный водой ров, подступы к которому преграждала колючая проволока.

Еще не побывав у лагеря, Андрей мысленно разработал несколько вариантов совместного рейда на него силами всех трех отрядов. Лагерь этот немцы разместили в переоборудованной и укрепленной территории МТС. Однако находящийся неподалеку базар, на который жители окрестных сел по традиции собирались по субботам и воскресеньям, почему-то не перенесли. И лейтенант предполагал, что какое-то количество партизан могло бы сосредоточиться на базаре, чтобы потом, дождавшись, когда люди начнут расходиться, прямо днем ударить по лагерю. Их атака стала бы сигналом для восстания военнопленных.

Был и другой вариант: освободить колонну военнопленных, которых немцы каждый день гоняют на работу в местный карьер, быстро вооружить их и вместе с ними напасть на лагерь. Или же увести в лес, а по лагерю ударить ночью.

Еще не решив, на каком именно плане остановиться, Беркут уже несколько раз осматривал лагерь издали, в бинокль. С помощью захваченного в плен охранника и двух бежавших узников Андрей составил подробный его план. А в конце августа, в базарный день, решил рискнуть – побывать возле самого лагеря, чтобы лучше изучить местность.

К базару они с Мазовецким подъехали на машине… «Господи, я ведь совсем забыл о Мазовецком!.. – ухватился за это воспоминание Беркут. – Он-то ведь тоже должен помнить того солдата. Впрочем, к виселице поручик не приближался. Держался чуть поодаль, чтобы в случае чего прикрыть отход командира к ожидавшей их в одном из дворов машине, за рулем которой сидел Колар. Словом, Мазовецкий способен все прояснить… Утром нужно будет

расспросить его. А может, разбудить прямо сейчас? Да нет, пусть отдыхает».

Итак, они подъехали тогда с Мазовецким. Немцы наверняка убрали бы этот базар подальше от глаз, но лагерь рассматривался как временный. Поговаривали, что к зиме его должны были ликвидировать. Именно эти слухи о ликвидации – охранник подтвердил их – как раз и заставляли Беркута торопиться.

В мундире обер-лейтенанта вермахта он прошелся неподалеку от лагеря, поговорил с двумя солдатами охраны, получившими увольнительные в поселок, и убедился, что штурмовать эту крепость-тюрьму действительно будет очень трудно. И что при любом варианте нападения здесь придется потерять почти всю штурмовую группу. Да и пленных тоже поляжет сотни. Но в таком случае имел ли он вообще право решаться на эту операцию, провоцировать самую настоящую бойню?

До поездки в поселок над этим, моральным, аспектом операции он как-то не задумывался. Все казалось изначально ясным и праведным: если в лагере томятся пленные, значит, их нужно освободить. При этом как можно меньше потерять партизан. Ну а сколько погибнет пленных, – значения вроде бы не имело. В конечном итоге все они обречены. Но все ли? Имеет ли он право ставить эти несколько тысяч людей на грань гибели? Не слишком ли безрассудной окажется эта благая операция?

Базар выдался шумным. Людей собралось немало. И многие старались подойти поближе к тому концу его, где еще расточала запах свежей древесины недавно сооруженная виселица. Нет, в тот день на ней еще никого не казнили, и все же у помоста ее происходило нечто такое, что очень привлекало внимание людей. Но что именно? Уже пора было уезжать, однако Андрей все же решил узнать, в чем дело. Тем более что именно в ту сторону выходили боковые ворота лагеря, названные «воротами в рай», – через них выводили тех, кого должны были казнить за речушкой, у стены старого кладбища.

То, что Беркут увидел там, поразило его. На помосте виселицы сидел красноармеец и что-то вытесывал топором.

– Эй, ефрейтор, что делает этот русский? – спросил он одного из двух немцев, охранявших пленного.

– Голову Иисуса Христа, господин обер-лейтенант, – охотно объяснил конвоир. – Вон, видите? – он показал на высокое деревянное распятие, стоявшее почти рядом с виселицей, у входа на кладбище. – Осколком то ли снаряда, то ли бомбы ему раскроило голову. Давно, еще в июле сорок первого. Так бы он, Господи прости, и стоял обезглавленным до конца войны. Но вчера, когда этот плотник и еще двое русских пленных завершали сооружение местного шедевра архитектуры, – показал на виселицу с болтавшимися на ветру тремя петлями, – неожиданно нагрянул какой-то гауптштурмфюрер СС, очевидно, из гестапо или СД. Наверное, инспектировал лагерь.

– Его фамилия Штубер? Гауптштурмфюрер Штубер?

– Не могу знать, господин обер-лейтенант. Вам лучше спросить у коменданта лагеря. Гауптштурмфюрера заинтересовало это сооружение, и несколько минут он наблюдал, как пленные возводят его. Все трое – из местных, и все отличные плотники. Среди украинцев, как ни странно, встречаются неплохие мастера. Поверьте, я знаю в этом толк.

– Это действительно «странно», – иронично поддержал его Беркут. – На Украине, где столько лесов, – и вдруг такие мастера! Просто диву даешься, когда смотришь на их деревянные церкви и на то, как они украшают свои дома. Только при чем здесь Иисус Христос?

– Гауптштурмфюреру очень не понравилось, что он остался в таком виде. Он так и сказал: «Сын Божий имеет право потерять все, что угодно, кроме головы. К тому же Христос должен видеть, как на этой виселице карают людей, предавших его веру». И приказал этому верзиле (он действительно самый лучший из мастеров): «Ты сотворил эту виселицу, тебе сотворять и голову Христа. Пусть Иисус любуется твоим творением и благословляет каждого, кто будет начинать на нем свой путь в обитель Божью. Семь дней тебе хватит?».

– Понятно, библейские семь дней, – заметил Беркут.

– На что этот дикарь ответил: «Если Господь Бог за семь дней сумел сотворить всю Вселенную, то уж я, раб, голову ученику его как-нибудь и за три дня пристрою. Трудно приходится народу, когда его святые оказываются безголовыми». Я думал, что, услышав такой ответ, эсэсовец тотчас же пристрелит его.

– Однако гауптштурмфюрер воспринял слова пленного философски, – кивал лейтенант, все больше утверждаясь во мнении, что речь идет о Штубере.

– Вы правы: он и в самом деле совершенно спокойно сказал: «Ну что ж, за три, так за три… Только знай: за сколько дней сотворишь, столько тебе и жить. Как только пристроишь эту голову – сразу на виселицу. Такова традиция: первым нужно казнить мастера-творца. Но если вздумаешь волынить и не уложишься даже в две недели, а это последний срок, – прикажу распять на этом же “распятии”. Как еретика-богохульника».

– И сколько же дней он работает?

– Второй, господин обер-лейтенант. Очень торопится. Думаю, дня через три закончит. На его месте я бы так не торопился.

– А вы уверены, что он понял смысл поставленного гауптштурмфюрером условия?

– Тот сам перевел ему это на русский. Кстати, оказалось, что этот эсэсовец хорошо владеет их языком. Хотя начинал разговор через лагерного переводчика.

Пленный стоял на коленях и старательно вытесывал голову, на которой действительно вырисовывалось уже нечто похожее на терновый венок. Ефрейтор был прав: пленный работал быстро и как-то слишком уж воодушевленно, словно увлекшийся замыслом скульптор-раб, верящий, что, создав свое творение, он наконец получит долгожданную свободу. Рядом с ним лежали набор стамесок и два молотка, и Беркут понял, что уже сегодня после полудня мастеровой начнет работать ими, а завтра или послезавтра голова будет водружена на распятие.

По пояс оголенный, пленник и в самом деле напоминал раба-великана, и Беркута поражала покорность, с которой он выполнял приказ своего палача, – покорность, старательность и непонятная ему, Беркуту, обреченность. Пленный работал так увлеченно, что совершенно не интересовался ни его разговором с ефрейтором, ни самим появлением здесь незнакомого обер-лейтенанта и, как показалось Андрею, вообще не следил за ситуацией, не пытался выбрать момент для побега и даже не помышлял о нем. Хотя не был ни связан по ногам, ни ранен. А рядом – базар, дворы, кладбище, за ним – лес… Нет, покорность и

старательность этого пленного были непостижимы для Андрея.

– Слушай, ты, русский, – на ломаном русском обратился он к «рабу-скульптору». – Ты что, действительно когда-то занимался скульп-турой? Или это твоя первая работа? Отвечай, когда тебя спрашивает офицер!

– Первая, – ответил тот, не отрываясь от работы.

– Почему же ты взялся за нее?

– Потому что распятие это вытесал мой дед. Еще в молодости. И тоже ничего больше не вытесывал: ни до Иисуса, ни после него.

– Что, так было на самом деле? Это распятие – работа твоего деда?

– Чья же еще? Кто в этих краях был мастеровитее?

– Тогда это многое проясняет. Но знаешь ли ты, что тебя ждет, когда кончишь эту работу?

– Не мешал бы ты… – сурово ответил пленный, поиграв на весу топором. – Видишь же: под петлей сижу. А когда человек уже под петлей, а в руке у него топор…

– И все-таки не советовал бы тебе спешить, – сказал Беркут, чуть пригасив голос. – У тебя в запасе еще десять дней. За десять дней многое может случиться. Разве ты не понял, что тебе «наобещал» тот эсэсовец?

– Мне на израненного Христа смотреть больно. Дед его из дуба вытесал, думал, будет вечным. А теперь что ж? Негоже распятому Христу без тернового венца быть, негоже…

Беркут еще раз осмотрелся вокруг. На небольшой площади возле виселицы – двое часовых. Чуть поодаль – забредший сюда полицейский патруль: стоят, любуются виселицей и на пленного поглядывают… В ста метрах – забор лагеря и пулеметчик на вышке. Но главная трудность не в этом. Как убедить пленного, что ты свой, если он и головы не поднимает?

– Ну что ж, солдат, – сказал он на прощанье, – у каждого свой крест и своя Голгофа. А люди, готовые распять нас, всегда найдутся.

7

Открыв глаза, Беркут увидел перед собой Отшельника. Тот стоял, опершись на ствол немецкого ручного пулемета, рядом с прикладом которого чернела колодка с лентой. Какое-то время капитан смотрел на него, не понимая, что произошло. Не похоже было, чтобы Отшельник угрожал, однако мрачная фигура его как бы нависла над Андреем, а потому в самом очертании ее чудилось нечто мистически грозное и непонятное.

– Что случилось? – негромко, но строго спросил Андрей. Он заснул, сидя на камне, привалившись спиной к скале, и теперь не мог понять, что сейчас: вечер, ночь, утро? Ни солнца, ни луны. Перед ним – каменистая гряда, все пространство справа от него – в фиолетовой дымке. – Я спрашиваю: что случилось? Почему вы здесь? Где часовой?

– За камнями твой часовой, капитан, там, где ты его поставил, – негромко ответил Отшельник. – Да не пугайся: ни тебя, ни солдатиков твоих не трону. Забыл сказать: сегодня я побывал в селе, в Горелом. Туда набилось около батальона немцев. Один мужик поведал мне, что с ними машина – из тех, которые радиостанции вынюхивают. Видеть я ее не видел, но этот мужик немного смыслит в радио. Не думаю, чтобы он ошибался.

– Решил попугать нас? Авось уберемся? – Беркут поднялся, поежился, не столько от холода, сколько от сырости, и взглянул на вход в пещеру. Колодный и Мазовецкий спали. Часового не слышно.

«При такой охране в одну чудную ночь нас здесь просто-напросто вырежут, – мысленно вспылил Беркут. – Сонных. Как когда-то афганские повстанцы вырезали английский экспедиционный корпус».

– Мое дело предупредить. Если уж немчура подтянула такую машину, то рацию вашу она обязательно вынюхает. Вот и подумай: может, сегодня утром твоему

радисту не стоит садиться за свою «пипикалку»? И еще… Ты предупредил десантников, что я тоже бытую здесь?

– Не успел. Уснул, как видишь… размышляя над нашим с тобой разговором.

– Предупреди. А то придется снять кого-то из них. Он ведь сдуру и пальнуть может. Пулемет этот возьми себе. У меня в закутке «дегтярь» сохранился, при двух дисках.

– Подожди, – остановил его Беркут, видя, что, прислонив пулемет к камню, Отшельник повернулся, чтобы уйти. – Давай поговорим. Как твоя фамилия? Звание?

– Это еще зачем? Я тебе больше не солдат. И чинов у меня нет. Ты меня уже как-нибудь прозвал, про себя?

– Прозвал, конечно. «Отшельником». Как тебя еще назовешь?

– Я думал, «монахом». Или «странником», «дезертиром»… Но если «отшельником» решил, – так и называй. Только звания у меня больше нет. Я – не солдат. Сам себя демобилизовал.

Беркут недовольно покряхтел, однако промолчал. «Сам себя демобилизовал!» Он вспомнил, как в 41?м, когда ему впервые попался на глаза такой вот «самодемобилизованный», сразу же схватился за пистолет, и лишь деликатное вмешательство Крамарчука спасло «самодемобилизованного» от его пули. К счастью, спасло. Потом этот красноармеец, по фамилии Готванюк, стал хорошим бойцом его группы – «группы Беркута». И погиб по-солдатски, в бою.

С тех пор перед Беркутом прошли сотни людей, которым казалось, что эту страшную войну можно просто-напросто пересидеть. Но только казалось. Вряд ли хотя бы одному из них это удастся. Однако за пистолет он никогда больше не хватался.

– Пулемет добыл только сегодня?

– Что? – вздрогнул Отшельник. – Пулемет? Добывать в селе? Чтобы из-за этой железки фашисты потом все село в яму закровавили? Это только вы, горе-вояки, можете так воевать. Лишь бы трупов побольше.

– Мог бы ответить и короче, – вплотную подступил к нему Беркут. – Например, что этот пулемет был спрятан у тебя внизу, в тайнике. И ты прихватил его, чтобы подарить нам. – Капитан вызывающе смерил его взглядом и, перехватив пулемет за ствол, прислонил к камню.

– Может, и подарю, если ты мне понравишься, капитан.

– А что касается того, что ты уже не солдат, то, насколько я помню, приказа о демобилизации всех оказавшихся в окружении не было. Я уже говорил тебе: в отряд наш ты можешь не идти, насильно не загоняю. Но помни: по существу, мы – подразделение армии. И в этом твой шанс. Ибо может случиться так, что все вокруг будут радоваться освобождению, а тебе придется предстать перед военно-полевым судом. Вместе с кучкой каких-нибудь вонючих полицаев. Если тебя это устраивает, можешь и дальше покрываться плесенью в своей пещере.

– Товарищ капитан, – вдруг послышался из-за гряды негромкий оклик Копаня. – С кем это вы?

– С тем, кого вы, часовой Копань, прозевали. Не отвлекайтесь, несите службу.

– Как это «прозевал»? – изумленно переспросил Копань. – Никого здесь не было. Я бы слышал. – Он хотел молвить еще что-то, однако, увидев перед собой незнакомого громилу, покаянно охнул и окончательно стушевался. – Но если вы так приказываете, товарищ капитан, то есть не отвлекаться!..

– Слушай, Отшельник, по ту сторону гряды, за твоей пещерой, кажется, существует удобный спуск? Не скрывай, сейчас это очень важно.

– Спуститься вообще-то можно, – нехотя ответил монах, слегка помедлив.

– Даже с рацией?

– А что ей будет? Нормальный спуск. Только с небольшим секретом. И потому снизу, из леса, найти дорогу сюда трудно.

– Тогда проведи нас. Благодаря тебе мы сэкономим на дороге часа полтора. В бою можешь не участвовать – это твое дело. Ну а мы попробуем выманить немцев из деревни. Удобное место для засады знаешь?

– Знаю. И назад приведу.

– Часовой! – негромко позвал Андрей.

– Я!

– Поднять людей. Только без лишнего шума. Сначала разбуди офицеров. – Они с Колодным договорились, что как только группа обрастет людьми, Мазовецкому поручат командовать взводом. А пока условились считать поручика Мазовецкого старшим лейтенантом Красной армии. Поскольку Мазовецкий никогда не упускал случая напомнить, что он тоже офицер, эта условность была ему приятной. – Построение здесь, у пещер.

Часовой побежал выполнять приказание, и они снова остались вдвоем.

Отшельник молчал. Беркут взял пулемет, осмотрел его, насколько позволяла видимость, даже принюхался: да, затвор пахнет смазкой. Сохранял, значит. Для чего, если солдатом себя уже не считает?

– Ты говорил о засаде… Есть там одна балка. В селе ее Кремниевой называют. Это такое ущелье…

– Ущелье – это уже хорошо. Обещаю, что в самом твоем селе ни одного немца мы не тронем. Кстати, ущелье… Оно между селом и этой пустошью?

– Нет, чуть дальше, поближе к Чиглинскому лесу. А этот, под скалой, называют Гро?бовским. И дорога возле Чиглинского проходит. Так что немцы могут попереться туда на машинах.

– Ясно. Остальное выясним на местности.

* * *

Через несколько минут все бойцы уже стояли в строю. Старший лейтенант Мазовецкий, младший лейтенант Колодный, старшина Кравцов, младший сержант Горелый, ефрейтор Низовой, рядовой Копань, рядовой Гаёнок. Последним стоял рядовой Задунаев. Но пока без рации.

Беркут осматривал их при свете луны дольше, чем следовало бы. Наконец-то перед ним стоит армейское подразделение. Впервые после долгих месяцев борьбы в тылу врага он снова ставит боевую задачу бойцам Красной армии. Казалось бы, какая разница: партизаны или парашютисты из кадровой части? И все-таки Беркут ощущал то особое волнение, которое в свое время ощутил разве что тогда, когда после училища впервые построил гарнизон дота. Еще того, на Буге. Как же убийственно давно это было!

«…Сюда бы еще Крамарчука, – вздохнул он. – И было бы совсем как построение в доте “Беркут”. Ну да, не хватало только этих твоих сантиментов, – язвительно усмирил себя Анд-рей. – И слезливой речи».

– Сегодня мы приступаем к регулярным боевым действиям в тылу врага. С этой минуты вы должны забыть, что вас высадили в тылу врага, что вы преследуемы, а значит, постоянно нужно скрываться, избегая стычек с противником. Отныне мы не будем со страхом ожидать, пока нас выявят каратели. Наоборот, сами будем выявлять и уничтожать противника, даже там, где ему и в голову не приходит ждать нас.

– Да, пора уже браться за него, – одобрительно проворчал Гаёнок, – а то застоялись мы, как молодые жеребцы на коновязи.

Однако старшина «цыкнул» на него, заставив умолкнуть.

– И еще одно: если в бою нет особого приказа, действуйте самостоятельно. Учитесь маневрировать, вовремя менять позицию, использовать любое трофейное оружие. С завтрашнего дня мы начнем ежедневные специальные тренировки. Вы будете учиться владеть всеми видами оружия и приемами ближнего боя, снимать часовых, маскироваться. Основы такой науки вы уже, очевидно, получили при подготовке к десанту. Но я знаю, что это был

сокращенный, ускоренный курс.

Теперь уже строй устало, сонно молчал. Врага бить надо, это понятно. Однако бойцы все еще не понимали, зачем Беркут поднял их сейчас, в половине третьего ночи, когда за десятки километров вокруг – ни одного фрица. Неужели только для того, чтобы сказать то, что он только что сказал?

– Этого человека, – кивнул он в сторону стоящего под скалой проводника – мы будем называть так, как ему нравится, – «отшельником». По тропе, которую он укажет, мы спустимся сейчас в лес и пройдем к окрестностям села Горелое. Как стало известно, немцы засекли нашу радиостанцию и подтянули к этому селу около двух рот. На автомашинах.

– Откуда известно, что уже засекли? – недоверчиво и в то же время встревоженно поинтересовался радист.

– Судя по описанию, данному Отшельником, одна из машин – радиолокационная. По всей вероятности, гитлеровцы перехватывают наши радиограммы и, конечно, получили приказ уничтожить группу. Рядовой Задунаев, возьмете рацию и пойдете вместе с группой. Сегодня вам придется поработать особенно много. Но уже в лесу, недалеко от села. Передавать можно любой текст. Вплоть до сообщения о взятии Берлина войсками Абиссинии. Ну а мы поможем немцам, проведем их прямо к вам, к рации. Чтобы не заблудились. Детали обсудим на месте.

– Таки прав ты был, Гаёнок: засиделись мы в этих райских кустиках, – подал голос старшина. – А пахать есть где.

– Да, этот соскучиться не даст, – поддержал его Копань.

Дождавшись радиста с рацией, они вышли на «монашью тропу», ведущую к пещерам Отшельника.

– Только я-то здесь при чем? – проворчал Задунаев. – Я не должен ходить на боевые операции. И вообще, мне как радисту нужно обес-печить безопасность, условия для работы и нормальный отдых. Иначе я не смогу работать.

– Ну да? – хмыкнул кто-то. – Главное – «нормальный отдых». Все претензии к фюреру.

– Группа действительно должна гарантировать мою безопасность, – добавил радист уже более громко, чтобы мог слышать Беркут. – Потому что если рация окажется у фашистов, кое-кому потом не поздоровится.

«Вот как?! – отметил про себя Беркут. Уже первые контакты с этим франтоватым, интеллигентного вида солдатом насторожили его. Андрею показалось, что этот человек слишком рьяно старается подчеркнуть свое особое положение в группе. “Радист – что святой, – вспомнил он слова младшего лейтенанта. – Какого тебе нарисуют, на такого и молись”. В этой не очень веселой командирской байке, очевидно, и кроется разгадка поведения Задунаева. – Ладно, разберемся. После операции».

– Старшина, – негромко приказал он Кравцову, идущему замыкающим. – Следите, чтобы во время перехода группой соблюдалась строжайшая тишина и максимальная скрытность.

8

Тайная тропа Отшельника пролегала по довольно глубокой, прикрытой скальными карнизами расщелине – то ли по руслу высохшего ручья-водопада, то ли по старому ливневому стоку.

Сам Отшельник первым спустился к выступу, венчающему наиболее крутой участок тропы, и привязал к сосне припасенную им веревку. Придерживаясь за нее, группа с двумя пулеметами и рацией достигла этого выступа без особых приключений. А дальше, пройдя каменным лабиринтом метров сто влево по склону, наткнулась на еще одну расщелину, которая как бы подрезала склон, устремляясь к скалистому поросшему ельником берегу речки.

Как только они, перескакивая с камня на камень, преодолели эту речушку, Беркут оглянулся. Освещенные лунным сиянием склоны вершин представали перед ним, словно фантастическое видение. Все в их облике было

неестественным, загадочным и недоступным.

– Интересно, днем они смотрятся отсюда так же угрюмо? – тихо спросил он идущего впереди Отшельника.

– Одичавшая земля. Никому и в голову не придет искать здесь путь к вершине. Даже самоубийце. А взойти, как видишь, можно, и путь этот, если учесть, что до Крестной тропы, по которой вы все поднялись на пустошь, нужно обходить по бездорожью почти девять километров, – не такой уж трудный.

– Жаль, что раньше я не знал, что собой представляет эта пустошь. Слышать слышал, но бывать в этих местах не приходилось.

– Еще насмотришься на нее. Ты везучий, на твой век хватит. И находишься по этим чертовым камням, и навоюешься.

– Когда вернемся – поговорим, есть о чем.

– Да, по-моему, обо всем уже поговорили. Я тебе дорогу показал? Показал. Ну и скажи спасибо. Еще немного проведу, вон до того холма, а дальше воюй, как знаешь. Только уже без меня.

Поднявшись на холм, бойцы несколько минут с одинаковым интересом всматривались и в околицу села, выдававшую себя очертаниями крыш в двух километрах отсюда, и в первые, розоватые блики рассвета, и в мрачную зубчатую стену Лазорковой пустоши, казавшейся неприступной и, конечно же, необитаемой.

– Радиста лучше всего усадить на склоне этой «звонарни», – посоветовал Отшельник, взойдя на холм последним. – Тогда немцы остановят машину сразу за ущельем и попрут по редколесью окружать партизан. Даже подкрепления не попросят. А засаду здесь можно организовать великолепную. Радисту тоже отходить удобно.

– Кажется, ты не хотел встревать в бой? – сказал Беркут. – Вот и останешься с ним.

– Не останусь. Буду ждать за ручьем. На тропе, между камнями. Кто вернется, того и проведу, – угрюмо, но довольно решительно ответил Отшельник. После чего положил у ног Беркута немецкий пулемет, потом снял с плеча автомат и, поигрывая им, словно игрушкой, начал спускаться с холма той же тропой, которой привел их сюда. Впрочем, метрах в тридцати от холма тропка сворачивала вправо, и дальше Задунаев уже сам должен был находить путь к вершине.

– Что значит – ты будешь ждать нас там? – взорвался Колодный. – Тебе же приказано! С тобой говорит капитан.

– Угомони его, Беркут, а то я и прибить его могу ненароком, – проворчал Отшельник, не оглядываясь. – А ты, радист, если заблудишься, ориентируйся вон на тот коричневый выступ на скале. Тропа начинается влево от него. Там и буду ждать тебя.

– Откуда взялся этот фрукт? – раздраженно спросил младший лейтенант, рассчитывая именно на то, чтобы Отшельник обязательно услышал его. – Где вы откопали такого, капитан?

– Здесь ещё и не такие случаются.

– Скажу прямо: лично мне он не нравится. Как и весь организованный им утренний променад.

– Он затем и привел нас сюда, чтобы фрицам красиво подставить, – мрачно поддержал его стоявший рядом радист.

– Не исключено, – спокойно заметил Андрей. – Мы – в тылу врага. Здесь нужно быть готовым ко всему. Но пока что продолжаем операцию. Строго и точно выполнять любой мой приказ. Это требование жесткое и безусловное. Задунаев, остаетесь на этом склоне холма. Разворачивайте рацию и немедленно выходите в эфир.

– Один?

– Не понял?

– Я спрашиваю: остаюсь один? Без боевого охранения?

– Без.

– Товарищ младший лейтенант, но ведь нужно оставить хотя бы одного бойца. Я не могу так работать: один, в лесу, под самым носом у немцев.

Колодный вопросительно посмотрел на Беркута. Он понимал, что Задунаев прав: радиста не положено оставлять без охраны. Однако знал он и то, что привычное армейское «положено – не положено» здесь, в тылу врага, да еще в группе Беркута, будет срабатывать далеко не всегда.

– У нас мало бойцов, рядовой Задунаев, – деликатно объяснил Беркут. Но радист плохо знал характер капитана и, очевидно, счел эту мягкость тона за попытку оправдаться перед ним и остальными бойцами. – Поэтому вам придется привыкать к работе в одиночку, в лесу, под носом у немцев. Впрочем, в пятистах метрах от вас будет прикрытие.

– Но, товарищ младший лейтенант, – упорно обращался к своему бывшему командиру Задунаев, – я все-таки прошу оставить со мной хотя бы одного бойца для охраны. Я не могу так.

– Вы не поняли меня, рядовой, – вплотную подошел к нему Беркут. Улыбка, которой он одарил при этом радиста, была такой, что Задунаев вздрогнул и на шаг отступил от капитана. – Вы останетесь здесь и немедленно выйдете в эфир. Единственная ваша привилегия: как только услышите выстрелы, сворачивайте станцию и уходите к ручью.

– Ты слышал приказ командира группы, – сразу же поддержал Беркута младший лейтенант.

9

Дорогу, ведущую в село, бойцы обнаружили довольно быстро. Выйдя из редколесья, она снова заползала в изрытую каменистую равнину и исчезала где-

то в долине. Здесь, на опушке, за камнями, капитан оставил младшего лейтенанта, ефрейтора Низового и рядового Гаёнка. Их задачей было: как только немцы высадятся с машин, сразу же выявить себя и отходить в глубь леса, заманивая противника в сторону от холма, на котором работал радист.

– Только не увлекаться, – посоветовал он младшему лейтенанту Колодному, уводя свою группу дальше. – Действуйте врассыпную. К речке отходить лишь после того, как оторветесь от немцев. Они не должны догадываться, что мы базируемся на Лазорковой пустоши, не должны узнать дорогу туда.

Каньон оказался значительно ближе к окраине, чем это выходило из объяснений Отшельника. Крайний дом находился в каких-нибудь трехстах метрах от того места, где он переходил в обычную долину. Но улица, в которую вливалась эта лесная дорога, действительно начиналась далековато.

Осмотрев каньон, Беркут мысленно поблагодарил проводника за подсказку. Ущелье было нешироким – метров двадцать. Но, чтобы пробиться к бойцам, которые будут находиться в засаде за гребнем его склона, немцам придется сначала преодолеть его или обойти, и на это уйдет уйма времени, да и людей потеряют немало. А лес рядом, отходить к нему под прикрытием скал и деревьев довольно удобно.

Оставив старшину с бойцами и двумя пулеметами в дальнем от села конце каньона, Беркут уже собрался идти вместе с Мазовецким на разведку, но между холмами вдруг блеснул едва заметный свет фары.

– Мотоциклисты, товарищ капитан! – негромко предупредил старшина, успевший взобраться на вершину скалы. – Пока вижу одну машину.

– Без команды не стрелять, – сразу же отреагировал Беркут. – Мазовецкий, Копань, Горелый – за мной. Остальным затаиться и быть готовыми к бою!

– Странно: всего один мотоцикл, – удивленно подтвердил старшина.

– Божественно! Держись чуть позади, – объяснил Андрей Горелому, преодолевая каньон в самом неглубоком месте. – Снимаешь того, кто попытается убежать. Стрелять в крайнем случае. Набрось плащ-палатку. И спрячь свой советский автомат, за версту видно, что не шмайсер.

– Порой немца сам вид его устрашает.

– Только не сейчас. Мазовецкий, устраиваем проверку документов. Берешь того, что на зад-нем сиденье. Движемся в сторону села.

Водитель остановил мотоцикл метрах в двадцати, осветив фарами их спины.

– Эй, кто вы?! – крикнул один из троих мотоциклистов по-немецки.

– Патруль, – ответил Беркут и не спеша направился к мотоциклу. – Из Подольска, с пакетом?

– Нет, господин офицер, со станции. Из штаба.

– Понятно. Предъявите документы. Порядок есть порядок, – подошел он к немцу, вылезшему из коляски мотоцикла. – Да выключи ты эту фару! – приказал водителю. – Не дразни партизан. Уже давно рассвело.

– И зажигание тоже, – повернул ключ зажигания вовремя подоспевший Мазовецкий. – При проверке не положено.

– Не положено? – растерянно переспросил стоящий перед Беркутом унтер-офицер, доставая из нагрудного кармана документы. – Я не знал.

Предъявить свои документы он не успел. Захватив левой рукой автомат, Андрей изо всей силы ударил его кулаком по переносице, а в следующее мгновение уже рванул на себя автомат водителя. Правда, он не рассчитал по времени. Мазовецкий не успел снять заднего мотоциклиста, и они сцепились врукопашную. Тем временем Андрей сумел сначала оглушить водителя ударом в висок, а потом, выбив его из сиденья, сорвать каску и нанести два удара ногой в голову.

– Беркут, помоги! – вдруг услышал он сдавленный голос Мазовецкого. – Бер…

Ударом ноги в бок капитан успел сбросить немца уже тогда, когда тот, сидя верхом на Владиславе, вцепился ему в горло. Упав, немец схватился за автомат,

но, перешагнув через поляка, Андрей отбил в сторону ствол автомата и нанес немцу сильнейший удар ногой в подбородок. А когда тот завалился на спину, подпрыгнул и ударил в грудь согнутыми коленями. Однако получилось это у него как-то неудачно, он соскользнул, и мотоциклист, здоровенный мужик, тут же сумел подняться.

«Приемы борьбы ниспосланы Богом тому, кто каждый день отрабатывает их так, словно познает впервые», – мелькнула врезавшаяся в сознание фраза, сказанная когда-то давно учителем-тренером, давним другом его деда, китайцем Дзянем.

По-настоящему мудрость этих слов он постиг только сейчас, когда почувствовал, как трудно даются ему приемы после стольких недель плена, побега, изнурительных переходов. А немец ему попался на удивление сильный, обтянутый мышцами, как кольчугой. К тому же он успел выхватить нож. И кто знает, чем бы закончилась эта схватка… Уже приняв боевую стойку, немец вдруг изогнулся и начал оседать прямо к ногам Беркута.

«Мазовецкий. Финкой», – понял Андрей, увидев за спиной немца Владислава.

– Взять водителя, – приказал ему и подоспевшему Горелому. А сам бросился к медленно поднимающемуся и еще не осознающему, что происходит вокруг, унтер-офицеру. Обезоружив, Беркут завел ему руки за спину и повел в каньон.

– Старшина, принять обоих! Со стороны села никого?

– Пока никого, – ответил кто-то из бойцов. – Хорошо, что обошлось без пальбы.

– Горелый, – в форму унтер-офицера, быстро! Мазовецкий – оружие и боеприпасы. Проверь мотор.

Передав бойцам трофеи, Владислав сел за руль, завел двигатель.

– В норме. Едем к селу? Предстанешь перед немцами в виде офицера связи? Или будем дожидаться колонны здесь?

– Дожидаться здесь – опасно. На такую засаду немцы не клюнут.

Еще не приняв окончательного решения, Беркут все же напомнил старшине:

– Прежде всего – изрешети машину радиолокаторщиков. И отсекай немцев от села. Пусть идут в лес. Там их встретит Колодный.

Он подошел к сидящему возле старшины унтер-офицеру, схватил за френч, заставил встать, отобрал планшет и личные документы.

– Вы немец, господин обер-лейтенант? – дрожащим голосом спросил унтер-офицер, безропотно позволяя Горелому сорвать с себя френч.

– Беркут я. Слышал о таком?

– Нет, господин обер-лейтенант, вы – наш, германец, только партизан. Ведь это правда? – с надеждой спросил он. – Сжальтесь надо мной.

– Что он там лопочет? – поинтересовался старшина, готовясь связать немцу руки.

– Умоляет спасти. Снять обмундирование, унтер-офицер. – А когда тот покорно разделся, старшина ожидающе посмотрел на капитана и спросил, что теперь с ним делать. Ведь тот уже вроде как пленный. – Что, старшина, первый раз в тылу врага? Здесь пленных нет. Немцы партизан вешают, мы немцев расстреливаем.

– Но мы-то вроде как подразделение регулярной армии.

– А они – нерегулярной? Или прикажешь специально для этих двоих оккупантов создавать здесь, в тылу, лагерь военнопленных? Ну что, Горелый, переодевание завершено?

– В сапогах своих останусь. Можно?

– Только в немецких. Впрочем, ты прав, старшина. Эти двое уже не вояки. Отпусти их. Пусть находят свои пули в бою. Горелый, я же сказал вам: только в немецких сапогах! Ваши могут стоить вам жизни. Мы в тылу врага. Примерьте сапоги убитого. И быстро, быстро. Нас ждут.

– Кто? – не понял Копань.

– Война. Враги. Люди, не потерявшие надежду на освобождение.

А еще – каждого из них ждала только ему нагаданная войной тяжелая солдатская судьба, святыми письменами которой заповедано им было сполна познать и мужество, и ненависть, и жестокость… сквозь которые все реже и мучительнее пробивалось скупое, на коленях вымоленное фронтовое милосердие.

10

За каньоном они свернули с дороги, и Мазовецкий повел мотоцикл в сторону ближайшей крестьянской усадьбы. Они хотели спокойно дождаться здесь выхода колонны, подъехать к шоссе и, преградив путь к отступлению, встретить огнем тех, кто уцелеет в бою у каньона. Но, уже подъезжая к дому, увидели у ворот немецкого солдата. Стоял ли он на посту, или просто выглядывал, кого там несет нечистая сила, – этого капитан определить не мог. Но то, что появление мотоциклистов никакого подозрения у него не вызвало, – это он заметил сразу же.

– Есть в доме кто-нибудь из офицеров? – резко спросил Беркут, кивком головы отвечая на приветствие солдата.

– Нас здесь только двое. Я и унтер-офицер.

– Что, уже квартируете? Устроили себе загородную виллу?

– В саду у нас пулеметная точка, господин обер-лейтенант. На случай нападения партизан.

– Они так часто нападают на это село? – удивился Андрей, выходя из коляски мотоцикла и поглядывая на дорогу. Его удивляло, что немцы до сих пор не подняли тревогу. Неужели локаторщики все еще не засекли радиопередатчик?

– Нет, окопаться здесь нам было приказано только вчера. В связи с крупными операциями против партизан. Говорят, их гоняют сейчас по лесам, как зайцев. Слышите? По-моему, танкисты палят. Из орудий.

– Вроде бы палят, – согласился Беркут, прислушиваясь к орудийной и пулеметной стрельбе, доносившейся из леса, который недалеко отсюда, за северной окраиной села, подступал к Лазорковой пустоши. – И где же эта ваша пулеметная точка?

– На чердаке сарая. Крыша там разрушена. Обстрел великолепный.

Беркут и Мазовецкий переглянулись. Каждый из них подумал сейчас об одном и том же: если бы пулеметчики дежурили на своей точке, а не дремали в доме, или слонялись по двору, они видели бы все, что происходило на дороге возле каньона. Но уж то, что будет происходить там через несколько минут, они непременно заметят. И огнем поддержат карателей.

– Молодцы, хорошо придумано, – сказал Беркут, отворяя полуразвалившуюся калитку и проходя мимо солдата во двор. Мазовецкий сразу же последовал за ним, незаметно кивнув при этом Горелому. Тот поднялся со своего сиденья, прошелся вдоль ограды, посматривая, нет ли кого поблизости и, вернувшись к мотоциклу, остановился у коляски, возле закрепленного на турели пулемета.

– Унтер-офицер на чердаке? – поинтересовался тем временем Беркут у шедшего за ним рядового.

– Никак нет, господин обер-лейтенант. Ушел в село. У него там свои дела. Заодно принесет завтрак.

– Хозяйка отказывается кормить вас? – улыбнулся обер-лейтенант.

– С хозяйкой нам не повезло. Ее просто нет. Был только старик-хозяин.

– И где же он сейчас? – весело спросил Анд-рей, уже входя в дом.

– Закопали в огороде… Он оказался слишком подозрительным. И неприветливым. Явно был связан с партизанами.

– Так вы что, сами судили и сами повесили его?

– Да нет, – охотно объяснил солдат. – Отто, ну, унтер-офицер, просто-напросто забил его насмерть. Ногами. Немного выпил, конечно. Чем меньше остается этих русских, тем спокойнее.

– И вы что же, без суда, без разрешения командования убили старика? Даже не доложив об этом командиру? – не повышая голоса и ничуть не удивляясь услышанному, безразличным каким-то тоном спросил обер-лейтенант, вежливым жестом приглашая солдата войти.

– Но… Я не знаю. Наверное, унтер-офицер доложит, – немец уже понял, что сболтнул лишнее. Худощавое, прыщеватое лицо его, на котором едва пробивался первый пушок, покрылось сероватыми пятнами бледности. – Старика действительно стоило убрать. Живет на краю села, возле леса… Здесь каждый второй помогает партизанам.

– А вы бы хотели, чтобы каждый второй житель села встречал вас объятиями? Сдать оружие!

– Простите?..

– Я сказал: сдать оружие! Ваша фамилия?

– Венцмайер, господин обер-лейтенант. Но ведь я же… Если этого старика нельзя было убивать… Так ведь это не я. Мне приказал унтер-офицер.

– Так все-таки убили вы? Лично вы?

– Нет, просто я тоже ударил его… Всего несколько раз. Но, знаете ли, старик… – Пока он все это объяснял, Мазовецкий успел снять с его плеча автомат, отстегнуть ремень со штыком и патронташем, а из-за голенищ достать два запасных рожка.

– Господин обер-лейтенант, – вдруг появился на пороге Горелый. – Из села выезжает колонна.

Первое, что удивило Беркута, – Горелый сказал все это по-немецки, почти без акцента. Он совершенно забыл, что после десятого класса этот парень год преподавал в школе, где не было учителя немецкого, и готовился поступать в педагогический. Горелый успел сказать ему об этом вчера, когда Беркут по очереди знакомился с каждым из парашютистов, однако капитан не воспринял его слова всерьез.

– Это сразу меняет ситуацию, – объяснил Андрей солдату, доставая пистолет. – А что касается вас, рядовой, то сжечь село, предварительно перевешав его жителей, – это суровая мысль. Будем считать ее вашим последним словом перед партизанским судом.

– Но я ничего такого не говорил!

– Такое вслух произносить не обязательно.

Только теперь, осознав, что происходит, солдат вдруг яростно взвизгнул и, оттолкнув Мазовецкого, бросился к окну. Однако пуля настигла его прежде, чем он успел прыгнуть на подоконник.

– Фашиста – в огород, – приказал Андрей младшему сержанту. – Мазовецкий – на чердак сарая. Снять пулемет. Он нам еще пригодится. Патроны – тоже.

Пока Горелый и Мазовецкий укладывали в коляску мотоцикла пулемет и колодку с лентами, Беркут прохаживался у ворот, выглядывая унтер-офицера. Но едва проторенная и почти заросшая бурьяном дорога, ведущая из села к этому дому, была пустынной. Да и сама улица казалась вымершей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sushinskiy_bogdan/kolokola-sud-by

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить